

НЕПРОЩЕННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вспоминается, как наш бывший деловой партнёр, обманом присвоивший себе всё, заработанное Давидом за пять лет, позвонил в Прощёное воскресенье и постным голосом проблеял: «Простите меня, Наталья Максимовна, если я Вас чем когда обидел». Что называется, отметился. Мне хотелось плюнуть в трубку. Ты сначала верни украденное, гад, а потом извиняйся. С того дня у меня стойкое неприятие этого «праздника».

Как можно «прощать» в обязательном порядке, не учитывая обстоятельств, в определённый, назначенный кем-то день? Что это за формализм, за насилие над моей душой и волей? Это почти то же, что отпускать всем грехи по списку (такая практика была одно время в храме «Утоли моя печали» в начале 90-х, когда паства не справлялась с наплывом прихожан). Да и не верю я в это всенепременное поголовное «прощение». Сказать «прощаю» – ещё не значит простить. Чаще всего это просто словоблудие и фарисейство. Самолюбование: вот мол какой я сегодня благородный.

Бродский во всех интервью говорит об умении Ахматовой прощать, о том, что он обязан ей этим умением. Я бы этого о ней не сказала. Достаточно вспомнить историю с Гаршиным. Когда он в порыве ревности однажды не сдержался и ударил ее, Ахматова дико закричала и с этого дня не пускала бывшего жениха на порог, не внемля никаким мольбам о прощении. И даже когда Гаршин был при смерти и просил её прийти проститься – Ахматова не пришла. Как-то это не вяжется с её христианским всепрощением, декларируемым на словах. А то, что она сказала, будто «согласна с Постановлением» – так это не прощение, а конформизм.

Та же Ахматова как-то сказала нечто поразительное: «Достоевский не знал всей правды. Он полагал, что если ты зарубил старуху-процентщицу, то до конца жизни будешь мучиться угрызениями совести, потом признаешься и пойдёшь в Сибирь. А мы знаем, – говорила она, – что можно утром расстрелять 10-15 человек, а вечером пойти с женой в театр». И что, этих тоже – простить?

Соседом Окуджавы был человек, расстрелявший его отца. У него есть стихотворение об этом:

Убили моего отца
ни за понюшку табака.
Всего лишь капелька свинца –
зато как рана глубока!

Он не успел, не закричал,
лишь выстрел треснул в тишине.
Давно тот выстрел отзвучал,
но рана та ещё во мне.

Как эстафету прежних дней
сквозь эти дни её несу.
Наверно, и подохну с ней,
как с трёхлинейкой на весу.

А тот, что выстрелил в него,
готовый заново пальнуть,
он из подвала своего
домой поехал отдохнуть.

И он вошёл к себе домой
пить водку и ласкать детей,
он – соотечественник мой
и брат по племени людей.

И уж который год подряд,
презревши боль былых утрат,
друг друга братьями зовём
и с ним в обнимку мы живём.

С каким убийственным сарказмом звучат эти строки, не дающие усомниться в истинном отношении Окуджавы к этому выродку. И даже когда он пишет, обращаясь к отсидевшей 20 лет в лагерях матери: «прости его, мама, он не виноват», в том смысле, что – «не ведают, что творят», ясно, что ни он, ни мать никогда ни простить, ни забыть не смогут.

Здесь мне близка позиция Б.Чичибабина, который не мог, согласно Божьим заповедям, любить и прощать носителей зла, видеть в них братьев и сестёр, не мог отделить их от их страшных дел. Принять заповедь всепрощения для него значило пойти против себя, своей души, а значит, против того же Бога.

Пушкин перед смертью простил Дантеса. Но он был уже в таком состоянии... А если бы выжил? Я уверена – он опять бы стрелялся. Его горячая кровь не стерпела бы обиды.

Надо ли прощать врагам? А им это надо? Если да, то есть если они ждут вашего прощенья – это уже не враги. Но, как правило, им этого прощенья не надо. Либо они тебя ненавидят, либо вообще о тебе не думают. Да, лучше забыть об их существовании, как говорит Бродский. Не стоит концентрироваться на обидах, которые тебе нанесены. Зло побеждает, помимо всего прочего, тем, что оно как бы нас гипнотизирует. О зле, о дурных поступках людей, не говоря уже о поступках государства, легко думать – это поглощает. И это как раз и есть дьявольский замысел!

Да, может быть, забыть... Но – простить? «Станет легче»? Станет погано, словно съешь червивое яблоко. Это значит примириться со злом. Это то же равнодушие, из-за которого всё зло творится. Это так же противоестественно, как подставить другую

щёку. Что-то в жизни я таких охотников не встречала, даже среди верующих. Есть вещи, за которые прощать – безнравственно. И прежде всего надо научиться не прощать себя.

Бродский называл себя кальвинистом. В том смысле, что ты сам себе судья и сам себя судишь суровее, чем Всемогущий, не проявляя к себе милости и всепрощения. Ты сам себе последний, часто довольно страшный суд.

У Майи Борисовой есть изумительное стихотворение – о чувстве вины, которое человек пронесит через всю жизнь:

А плата – ощущение вины...
Всего-то? Только лишь? За этот вечер?
За этих звёзд кружащееся вече,
за эти волны, точно валуны?
За ветер, несминаемый, как ластик?
За лодку, в берег бьющую кормой?
За упоенье безграничной властью
над миром, морем и над словом «мой»?
Мой маленький... На цыпочки встаю.
Как стебли трав, гибки мои суставы...
Ладонями, широкими, как ставни,
до глаз твоих горячих достаю.
Кто плачет там? Мне слёзы не видны.
Должно быть, надо, чтобы кто-то плакал.
Мизерная, нестоящая плата –
за счастье – ощущение вины.

Я десять лет хожу к вершку вершок
по светлым полдням и ночным ступеням.
Я десять лет выплачиваю пени,
а счёт и до сих пор не завершён.
Вина устало дышит мне в затылок...
А мы и вправду были влюблены?
Я всё забыла. Всё давно забыла.
Всё – кроме ощущения вины.

Не надо было. Ох, не надо было!..

Грехи нельзя «отпускать» – это не воздушные шарики и не птицы в клетках, их надо искупать – делом, жизнью. А не так, как в фильме «Остров»! Почему молитва этого убийцы, предателя и труса «доходит лучше»? Чем он лучше других людей? Тем, что спасал свою шкуру в монастыре, укрывшись за его стенами от правосудия? Иуда был честнее. Если бы он хоть попытался разыскать семью того командира, убитого с его помощью, как-то помочь ей, покаяться – не Богу, а людям, перед которыми виноват – это труднее. Раскольников покался и пошёл на каторгу, а не спрятался в монастыре. Какой же это вредоносный, фарисейский и гадкий фильм! Мне не понять всеобщего ослепления зрителей, критиков, режиссёров. Что их

умиляет в этой фальшивой истории, в этом мерзком герое? В чём его «святость»? В том, что он молится день-деньской за других и себя?

Человек должен отвечать за свои поступки, а не прятаться за спину Бога, уповая на прощение. Слуцкий не простил себе участия в травле Пастернака. Асеев каялся и рыдал на могиле Цветаевой. Эти люди вызывают большее уважение и сочувствие. Каждый знает, где у него что болит. «Каждый сам себе отвори свой ад, словно дверцу шкафчика в душевой» (С.Гандлевский). У всех в шкафу по скелету. Не надо об этом забывать. Как чеховский человек с молоточком, совесть не должна давать нам засыпать, успокаиваться.

У Бориса Рыжего есть такое стихотворение:

Погадай мне, цыганка, на медный грош,
растолкуй, отчего умру.
Отвечает цыганка, мол, ты умрёшь,
не живут такие в миру.

Станет сын чужим и чужой жена,
отвернутся друзья-враги.
Что убьёт тебя, молодой? Вина.
Но вину свою береги.

Перед кем вина? Перед тем, что жив.
И смеётся, глядит в глаза.
И звучит с базара блатной мотив,
проясняются небеса.

Друзей, любимых – прощаешь автоматически. (Ведь обижаешься только на тех, кого любишь, чьё отношение тебе не безразлично). «Провинился друг и повинился – ты ему греха не поминай» (Р.Гамзатов). «Если уж простить – то так, словно ничего не было» (Долли из «Анны Карениной»). Близким, любимым, друзьям можно простить всё. «И только те любимые глаза простят всё то, чего прощать нельзя» (Евтушенко). Словом, это естественный, органичный процесс. Прощается в тебе само, ты для этого не делаешь никаких умственных усилий, ты в душе уже давно простил тех, кого любишь, и только может быть, для виду какое-то время выдерживаешь характер.

Радость прощения. «И, всхлипывая, затихнуть, как в детстве, когда простят» (Цветаева). «Ты не знаешь, что тебе простили», – писала Ахматова. Бродский говорил, что у него всю жизнь в памяти эта её строка из «Шиповника». Это не только о себе. Это ответ души на существование. Прощающий всегда больше обиды.